

Эти слова не остались словами. Россию, действительно, ожидали годы подъема и перемен, и Толстой, действительно, трудился и мужался, плодом чего и явилась «Война и мир». Построенное на огромном количестве исторических книг и материалов, «сочинение» это (как определил его сам Толстой) оказалось в основе своей (и идейной и художественной) решительным и бурным восстанием против исторической науки и даже против «исторического воззрения» вообще. Подготовка этой полемики шла уже в период школьной работы (1861—1862), когда Толстой стал доказывать, что дети усваивают историю и начинают интересоваться ею только в той мере, в какой она представляет собою поучительную и художественную «сказку». Толстой демонстративно заявляет: «Я рассказывал историю Крымской кампании, рассказывал царствование императора Николая и историю 12-го года. Все это в почти сказочном тоне, большею частью исторически неверно и группируя события вокруг одного лица. . . мой рассказ — не была история, а сказка, возбуждающая народное чувство».⁹ Оказалось, что исторические лица и события интересны «не по мере их значения в истории, а по мере художественности склада их деятельности, по мере художественности обработки ее историком, и большею частью не историком, а народным преданием. . . Маколея и Тьери точно так же мало можно дать в руки, как Тацит или Ксенофонта. Для того чтобы сделать историю популярною, нужно не внешность художественную, а нужно олицетворять исторические явления, как это делает иногда предание, иногда сама жизнь, иногда великие мыслители и художники».¹⁰ Итак, в своей школьной практике Толстой превратился из историка в летописца — заменил объяснение событий (анализ причинно-следственных связей) художественно-сказочным их изложением, имеющим поучительный и возбуждающий народное чувство характер.

Было бы наивно и ошибочно думать, что сказанное в школьных статьях Толстого относится только к области педагогики — к вопросу о преподавании истории детям. Лучшим и явным опровержением такого взгляда служит само существование «Войны и мира» — книги, которая в значительной степени выросла на основе этого «педагогического» опыта. Статья «Прогресс и определение образования» была написана против гегельянского направления исторической науки — совершенно независимо от педагогики. Толстой называет здесь само историческое воззрение «странным умственным фокусом»: «К какому хотите понятию стоит только приложить слово: историческое, — и понятие это теряет свое жизненное, действительное значение и получает только искусственное и неплодотворное значение в каком-то искусственно составленном историческом мирозерцании».¹¹

Так же ошибочно было бы отнести ко всему этому как к простому «чуждачеству» гения — и по той же самой причине: если «чуждачество» могло стать почвой, из которой выросла «Война и мир», значит в этой почве были какие-то здоровые и сильные жизненные соки. Это была та самая тяга к народному, эпическому взгляду на жизнь и историю, о которой писал Пушкин, выступая против Полевого и Гизо. Пушкин говорил о «неизъяснимой прелести древней летописи»; Толстой восторгается Илиадой и Библией: «каждый из этой книги узнает всю прелесть эпоса в неподражаемой простоте и силе».¹²

⁹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1936, стр. 100 и 103

¹⁰ Там же, стр. 106

¹¹ Там же, стр. 327.

¹² Там же, стр. 89.